

Имена павших

18+

Charles

Имена павших

«Автор»

2026

Charles

Имена павших / Charles — «Автор», 2026

Если чтобы спасти мир, тебе нужно сломать его законы, убить богов и уничтожить чудо — готов ли ты остаться жить на этих руинах в одиночестве?

© Charles, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Том 1 Глава 1 — Комфортная форма соучастия	5
Том 1 Глава 2 — Невидимка в темноте	8
Том 1 Глава 3 — Идеальный механизм	12
Том 1 Глава 4 — Пепел и Снег	17
Том 1 Глава 5 — Семь колец	22

Charles

Имена павших

Том 1 Глава 1 — Комфортная форма соучастия

Дерево не умеет лгать. В отличие от людей, у него нет амбиций, нет веры и, что самое главное, в нем нет магии.

Плотник провел лезвием ножа по сосновому бруску, снимая тонкую, полупрозрачную стружку. «Вжик». Ровное движение от себя. «Вжик». Еще одно. Монотонная работа успокаивала, не оставляя в голове места для мыслей.

Холодный северный ветер швырнул ему в лицо пригоршню колючего снега. Когда-то, в прошлой жизни, он мог бы остановить этот порыв одним движением бровей. Он мог бы заставить снежинки замереть в воздухе или сплести из них ледяной щит. Теперь ветер просто обжигал кожу. Внутри, там, где раньше бурлил привычный, чистый источник магии, зияла глухая, тяжелая пустота.

И его это вполне устраивало.

Утопанный снег перед трактором «Слепой Медведь» захрустел под десятками сапог. В деревню вошел торговый караван, а вместе с ним — прошлое, от которого не спрятаться даже на краю империи. Солдаты. Пятеро гвардейцев в форменных плащах с вышитым гербом Короны вели себя так, словно уже завоевали эту заснеженную грязь.

Пока купцы загоняли тяжело груженные повозки под навес, солдаты уже начали наводить свои порядки. Один из них, смеясь, пнул корзину местного мальчишки-посыльного, рассыпав репу по грязному снегу. Другой властно требовал у трактирщика лучший эль и свежее мясо, поигрывая огоньком, дешевой, но показательной магии на кончиках пальцев. Обычное дело. Демонстрация силы перед теми, у кого ее нет.

Плотник не отвел взгляд, но и не сдвинулся с места. Он просто перевернул брусок и продолжил работу. Это больше не его мир. Не его война.

Деревянная скамья рядом с ним даже не скрипнула, когда на нее опустился мужчина. Он двигался с пугающей, почти хищной плавностью. Одет незнакомец был просто, но добротнo — темное плотное сукно, дорожный плащ с высоким воротником, — однако было в его осанке нечто такое, от чего мир вокруг вдруг съёжился, показавшись мелким и незначительным. Он сидел так, словно этот кривобокий трактирный стол был тронem, а он сам привык смотреть на мир с невероятной высоты. Его длинные пальцы, лишённые мозолей, покоились на столешнице с изяществом скучающего лорда.

подавальщица, необъяснимо робея под его спокойным взглядом, торопливо поставила перед ним глиняную кружку и поспешила исчезнуть. Незнакомец неторопливо поднес ее к губам. Сделал один крошечный глоток, словно дегустировал яд, и медленно опустил на стол. Лишь после этого его взгляд скользнул к площади.

— Удивительное свойство человеческой природы, — вдруг произнес незнакомец, глядя в свою кружку. Голос у него был спокойный, размеренный, как у лектора, читающего лекцию в пустом зале. — Крестьяне терпят, потому что верят, что солдаты защищают их от чудовищ. Солдаты грабят крестьян, потому что верят, что имеют на это право. Идеальная, замкнутая система.

Плотник молча продолжил свою работу, не поднимая глаз. «Вжик». «Вжик».

— Я историк, — продолжил мужчина, словно не замечая игнорирования. — Изучаю, как рождаются и умирают империи. И знаешь, что самое забавное? Империи рушат не революционеры. Их рушат те, кто мог бы что-то изменить, но решил, что его это больше не касается.

Беглец замер на секунду. Лезвие ножа остановилось, врезавшись в неподатливый сучок.
— Если ты историк, то должен знать, — глухо ответил он, — что один человек против армии — это не история. Это строчка в отчете о потерях. Я простой плотник. Пейте свой эль. Мужчина усмехнулся. В его глазах мелькнуло что-то древнее и холодное.

— Как прикажете, капитан Нико.

Нож в руках Нико дрогнул.

Воздух в легких мгновенно заledenел. Годы тренировок и паранойи сработали быстрее мысли. Мышцы напряглись, готовые к прыжку, взгляд инстинктивно просчитал дистанцию до горла незнакомца. Никто в этой деревне не знал его настоящего имени. Никто во всей Империи не должен был знать, что он жив. Если этот человек — шпион инквизиции, он не должен уйти отсюда живым.

Но Историк даже не шелхнулся. Он смотрел на Нико с пугающим умиротворением, абсолютно игнорируя направленную на него жажду убийства.

— Решил, что раз ты больше не часть системы, то ее законы на тебя не действуют, — плавно закончил фразу Историк. — Это не мудрость. Это трусость.

Нико медленно выдохнул. Внутренняя пружина не разжалась, но он опустил нож. В глазах незнакомца не было угрозы. Там вообще не было ничего человеческого. Нико наконец поднял взгляд. В его глазах плескалась тяжелая, мертвая усталость двадцатилетнего старика.

— Государство - это механизм, — произнес Нико, принимая правила этой странной игры. — Если шестеренка ломается, ее выкидывают. Я сломался. Я видел, что делает этот механизм с теми, кто пытается крутиться в другую сторону. Оставьте меня в покое.

Историк подался чуть вперед. Пространство между ними словно уплотнилось, стало физически тяжелым.

— Ты не сломался. Ты стал камнем, который попал между шестеренок. Но вместо того, чтобы разрушить механизм, ты позволил ему обточить себя до состояния гальки. Ты смотришь, как эти солдаты забирают последнее у тех, с кем ты живешь. Твое бездействие - это тоже выбор, Капитан... Каждая несправедливость, на которую ты закрываешь глаза здесь, оплачена твоим молчанием. Ты не обрел покой. Ты просто выбрал комфортную форму соучастия.

Нико смотрел на Историка, чувствуя, как под ребрами воротится давно забытое, колючее чувство вины. Слова незнакомца ударили точно в цель, разрывая аккуратно зашитые шрамы. Он хотел ответить. Хотел сказать этому высокомерному лорду, что мир не делится на черное и белое, что иногда выживание - это единственная доступная форма победы.

Но ответить он не успел.

Ритм деревенской площади разорвал истошный, сорванный крик.

Со стороны тракта, ведущего к предгорьям, в деревню ввалилась группа людей. Их было около десятка. Одежда порвана, лица серые от каменной пыли, на руках и плечах некоторых блестела свежая кровь. Шахтеры с кристаллических копей. Единственное, что еще держало эту окраинную деревню на плаву - добыча низкосортной маны в сыром виде.

Они бежали прямо к гвардейцам, спотыкаясь в перемешанном снегу. Самый старший из них, грузный мужчина с рассеченной бровью, рухнул на колени прямо перед офицером солдат.

— Ваша милость! — выдохнул шахтер, задыхаясь. — Молю... помогите!

Офицер гвардии, брезгливо отступив на шаг, чтобы кровь простолюдина не испачкала его начищенные сапоги, положил руку на эфес меча.

— Встань, смерд. Что за вопли?

— Твари! — забормотал шахтер, трясущимися руками указывая в сторону гор. — Маногончие! Они пробили стену в нижнем этаже шахты. Видимо, почуяли жилу... Мы завалили проход, но там остались люди! Пятеро парней! Если вы пошлете солдат, если ударите магией...

Офицер переглянулся со своими подчиненными. Один из гвардейцев усмехнулся, другой скучающе зевнул, выпуская изо рта облачко пара.

— Вы перепутали нас с наемниками-крысоловами, — холодно процедил офицер. — Мы! — Гвардия Короны! Наш приказ — сопроводить караван с налоговыми сборами в столицу. Завтра утром мы уходим.

— Но... но они же погибнут! — в отчаянии выкрикнул шахтер, пытаясь схватить офицера за край плаща. — До утра они не продержатся! Там мальчишки!

Гвардеец отвесил ему короткий, хлесткий удар сапогом в грудь. Шахтер охнул и повалился в грязь.

— Значит, наймете новых, — отрезал офицер, брезгливо отряхивая плащ. — Если не можете защитить свои норы — не лезьте под землю. А теперь пошли вон, пока я не приказал выпороть вас за оскорбление мундира.

Нико сидел неподвижно. «Вжик». «Вжик». Нож методично срезал стружку, но движения стали жесткими, рублеными. Он смотрел, как гвардейцы, смеясь, возвращаются к своим кружкам с элем, оставляя избитого шахтера лежать на снегу.

Историк, наблюдавший за этой сценой с неподдельным, почти театральным интересом, медленно перевел взгляд на Нико.

— Какая прелестная иллюстрация к нашему разговору, не находишь? — промурлыкал он. В его голосе не было ни капли сочувствия к шахтерам — только холодное академическое любопытство. — Ты ведь знаешь этот взгляд, Капитан. Взгляд людей, которые только что поняли, что богам и королям на них плевать.

Нико промолчал. Пальцы сжали рукоять ножа так, что побелели костяшки.

— Они просят защиты у тех, кто создан лишь для того, чтобы их грабить, — продолжал язвить Историк, склонив голову набок. — А тот единственный, кто знает, как убивать подобных тварей, сидит на бочке и строгаёт палочку. Скажи мне, Нико... сколько еще человек должны умереть в темноте, чтобы твой личный покой остался неприкосновенным?

«Хрусть.»

Сосновый брусок в руке Нико треснул пополам.

Он медленно смахнул стружку с колен, сложил нож и убрал его за пояс. Поднял взгляд на Историка. В глазах бывшего капитана больше не было усталости. В них проснулось то, что когда-то делало его одним из самых опасных людей в армии - холодный, безжалостный расчет.

— Если я убью гвардейцев сейчас, завтра здесь будет Инквизиция, — тихо, почти одними губами произнес Нико. — Деревню сожгут вместе с жителями за пособничество еретика.

Историк чуть приподнял бровь, изображая удивление, но уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

— Я не просил тебя устраивать резню на площади, Нико. Я лишь спросил о твоём выборе.

Нико перевел взгляд на горы, где за пеленой снегопада скрывались шахты. Он знал манакончих. Слепые, покрытые костяными наростами твари, питающиеся магией. Обычным мечом их не пробить, а магия манит их, как мотыльков — пламя. Идеальные противники для того, у кого нет маны.

— Ночью гвардия будет спать, напившись эля, — ровным тоном произнес Нико, словно докладывая план операции. — До шахт два часа хода по лесу. Мне не нужны свидетели. Ни среди солдат, ни среди выживших.

Он поднялся со скамьи, больше не обращая внимания на сидящего перед ним собеседника.

Историк проводил его взглядом. Когда фигура Нико скрылась за дверями амбара, незнакомец сделал еще один крошечный глоток дрянного эля.

— Что ж, друг мой «...». Вот так и начинается история, — тихо произнес Историк, обращаясь к пустому месту по правую руку от себя. — С одной «сломанной шестеренки...»

Том 1 Глава 2 — Невидимка в темноте

Ночь в горах не наступает — она падает, как тяжелый бархатный занавес, отрезая мир живых от всего остального.

Нико шагал по заснеженной тропе, ведущей к кристаллическим копиям. Метель заметала его следы быстрее, чем он успевал их оставлять. Он не брал с собой факел. Свет привлекает внимание, а внимание — это последнее, что ему сейчас было нужно.

В этой черно-белой гравюре горной ночи он был лишь темным пятном на идеальном белом полотне. Его дыхание ровными облачками пара вырывалось изо рта, тут же оседая инеем на воротнике. Шаг был размеренным, экономящим силы. Под грубой курткой из волчьей шкуры тело облежала старая, потертая армейская кольчуга — единственное, что он забрал с собой из прошлой жизни, предварительно спорив все гербы. Ледяные стальные кольца давили на плечи, кусая холодом сквозь нижнюю рубаху. Оружия при нем не было. Ни меча, ни кинжала. В новой жизни они стали ему просто не нужны.

«В прошлой жизни» он бы просто взлетел по этому склону на потоках ветра, скользя по льду. Сейчас его икры горели от напряжения, а легкие жадно хватали морозный воздух, отзываясь болью при каждом вдохе. И все же в этом была своя первобытная честность. Магия развращает тело, делая его ленивым. Пустота заставляет каждую мышцу помнить, что ты всего лишь смертный.

Спустя час из темноты вынырнул зев шахты. Вокруг валялись брошенные тележки, перевернутые корзины с мусором и темные, замерзшие пятна, которые при свете дня оказались бы кровью. Хруст промерзшего снега под сапогами казался в этой тишине оглушительным. В воздухе висел тяжелый запах. Смесь сырой земли, меди и резкий, кислотатый озоновый душок. Так пахла обнаженная мана.

Нико остановился у входа. Он закрыл глаза и прислушался. Из глубины горы доносился скрежет. Ритмичный звук когтей, с остервенением рвущих камень и мерзлое дерево.

Мана-гончие. Слепые убудки, созданные самой природой, чтобы пожирать излишки магии в местах ее скопления. Они ориентировались не на запах мяса, а на тепло магических источников. Любой маг, даже самый слабый, сиял для них во тьме, как маяк. Но вот Нико...

Нико опустил взгляд на свои руки, скрытые плотными кожаными перчатками. В нем не было ни капли магии. Для этих тварей он был не более чем ходячим куском живой плоти, но абсолютно невидим. До тех пор, пока не прикоснется к ним.

Он шагнул во тьму.

Чем глубже он спускался, тем холоднее становилось. Стены пещеры тускло мерцали прожилками дешевых мана-кристаллов. Света хватало ровно на то, чтобы различать силуэты.

Вскоре он увидел их.

Завал из потрескавшихся балок и камней перекрывал туннель. По ту сторону баррикады слышались приглушенные, полные ужаса всхлипы шахтеров. А по эту сторону, методично разрывая когтями толстые бревна, копошились три твари.

Размером с крупного волка, мана-гончие были покрыты не шерстью, а плотными, наслаивающимися друг на друга, как уродливая чешуя, костяными пластинами. Их вытянутые морды не имели глаз — только широкие щели ноздрей и пасть, усеянная кривыми, прозрачными иглоподобными зубами. Вдоль их позвоночника пульсировал тусклый фиолетовый свет — переработанная мана, которую они сожрали из кристаллов. Монстры дышали со свистом, словно их легкие были забиты битым стеклом.

Одна из тварей, выдрав кусок дерева из баррикады, замерла. Она повела слепой мордой из стороны в сторону, словно что-то почувствовав. Нико замер, слившись с тенью стены. Его сердце билось ровно. Отмеряя секунды до бойни

Он медленно поднял левую руку и стянул толстую кожаную перчатку.

Прохладный воздух пещеры коснулся обнаженной кожи. Под кожей, словно живая, заворочалась чернота. Она не имела формы, но Нико физически чувствовал ее болезненный, сводящий с ума голод. Это проклятие. Абсолютная пустота, требующая заполнения. Аномалия, которой не должно существовать в природе. Словно черная дыра, запертая в сосуде из плоти и крови.

Стоило ему посмотреть на свою голую ладонь, как перед глазами, перекрывая реальность, вспыхнуло навязчивое воспоминание. Паническая атака, от которой он так и не смог вылететь.

«...Запах гари. Вкус пепла на губах. Звон в ушах после взрыва артефакта. Нико лежал на обломках храма, не чувствуя собственного тела. Внутри него там, где раньше находился источник магии, образовалась «черная дыра». Он задыхался. — Капитан! Хвала небесам, вы живы! Чьи-то руки потянули его за плечи. Это был Элиас, совсем молодой парнишка из его отряда, маг-целитель. Его ладони светились мягким зеленым светом исцеляющей магии. — Сейчас, капитан, я залатаю вас... — Нет... — попытался прохрипеть Нико, чувствуя, как голодная, черная дыра внутри него содрогнулась от чужой магии. — Не трогай... Но Элиас уже прижал светящиеся руки обнаженной и раненой груди Нико. То, что произошло дальше, будет сниться Нико до конца его дней. Пустота внутри него бросилась на свет. Она не просто поглотила целительную магию Элиаса. Она ударила в ответ по каналу связи. Нико почувствовал, как его собственное тело выгибается дугой, а Элиас издает нечеловеческий вопль. Контакт длился секунду. Но Антимagia выжгла мальчишку изнутри. Она проникла в его нервную систему, сварив мана-каналы и обратив всё в пепел. Глаза Элиаса лопнули, кожа почернела, словно обугленная бумага. Он упал замертво, а Нико, захлебываясь рвотой, отползал от дымящегося трупа того, кого клялся защищать. Он стал чудовищем.

Тварь фыркнула, потеряв интерес к пустоте, из которой пришел Нико, и снова вонзила когти в дерево. Люди за баррикадой закричали. Наваждение рассеялось, оставив после себя лишь холодный пот на лбу.

— Пора, — прошептал Нико одними губами.

Он сорвался с места. Без магического ускорения, но с идеальными рефлексами тренированного солдата. Три быстрых, бесшумных шага.

Нико не стал бить кулаком — костяную броню просто так не пробить. Вместо этого он скользнул под лапу ближайшей гончей, с силой вгоняя свою обнаженную левую ладонь прямо в пульсирующий фиолетовым светом хребет твари.

Контакт.

Мир вокруг Нико содрогнулся. Фиолетовое свечение вдоль позвоночника гончей замерло, а затем начало стремительно чернеть, словно в чистую воду попали чернила. «Пожирающая Тень» дорвалась до пищи, всасываясь в ладонь Нико. Дым жадно, как паразит, вгрызся в тело зверя.

Процесс был чудовищным. Антимagia не просто забирала силу — она инвертировала ток маны внутри существа, обращая ее против владельца. Нервная система твари вспыхнула изнутри. Нико чувствовал, как под его ладонью заживо варятся внутренности монстра, как лопаются кровеносные сосуды и обугливаются нервные окончания.

Вместе с тем боль ударила в голову Нико раскаленным гвоздем. Он стиснул зубы до скрипа. Мышцы его собственной руки свело судорогой, словно по венам пустили битое стекло. «Тень» жрала чужую ману, но его мозг вынужден был пропускать через себя и обрабатывать предсмертную агонию существа. Это была цена за использование «проклятия».

Гончая не успела даже заскулить. Костяная броня твари пошла сетью глубоких трещин. Форма потеряла целостность. Как только дым выжег ее изнутри, монстр просто осыпался серым прахом и сухими костями прямо под ногами Нико.

Две оставшиеся твари резко обернулись. Они не видели Нико, но они почувствовали всплеск абсолютного ничто. Аномалию в пространстве. Смерть, стоящую в метре от них.

Это привело их в ярость. Ближайшая гончая оттолкнулась мощными задними лапами и прыгнула в пустоту, ориентируясь на звук падающих костей.

Нико едва успел уйти перекатом. Когти зверя высекли искры из камня там, где он стоял секунду назад. Правая рука, затянутая в перчатку, действовала на автомате, перехватывая лапу твари, в то время как голая левая кисть все еще дымилась, требуя большего.

Вторая гончая бросилась сбоку. В узком пространстве уклониться было невозможно. Тварь сбила его с ног, тяжесть ее туши выбила из легких Нико весь воздух. Клацающие челюсти оказались в дюйме от его лица. Зловонное дыхание ударило в нос.

Нико зарычал, вбивая голую левую ладонь прямо в слепую, костяную морду монстра.

Вторая волна Антимагии ударила по его нервной системе с удвоенной силой. Тень прошла череп твари насквозь. Нико закричал — не вслух, крик застрял где-то в горле. Он чувствовал вкус чужой магии. Грязный, землистый, отдающий первобытной яростью. Глазницы монстра вспыхнули черным светом, тело свело жесточайшей судорогой. Через секунду гончая обмякла, и ее кости с сухим треском осыпались на грудь Нико.

Оставалась еще одна.

Нико сбросил с себя останки и тяжело поднялся. Левая рука дрожала так сильно, что он не мог сжать пальцы. В голове гудело, словно рядом непрерывно били в колокол. Из носа пошла тонкая струйка горячей крови, которая тут же начала остывать на губах.

Последняя тварь пятилась, щелкая зубами. Ее примитивный мозг не понимал, что происходит, но инстинкты кричали об опасности.

Нико глубоко вдохнул спертый воздух шахты, готовясь к новой порции боли. Глаза бывшего капитана были холодными и пустыми.

— Ну давай, — прошептал он. — Иди к папочке!

Третья гончая взревела. Инстинкт самосохранения проиграл животному голоду и ярости. Тварь оттолкнулась от земли, бросившись вперед и метя усеянной иглами пастью прямо в горло Нико.

Встречать лоб в лоб тушу весом под сотню килограммов без магического усиления было бы самоубийством — инерция просто сломала бы ему шею.

Нико резко ушел в сторону и вниз, падая на правое колено. Клацающие челюсти сомкнулись на пустом месте, а тяжелое костяное тело пролетело прямо над ним. В эту долю секунды Нико выбросил левую руку вверх, намертво вцепившись обнаженными пальцами в мягкое, незащищенное пластинами брюхо зверя.

Мощная инерция прыжка рванула Нико следом. Тварь с грохотом рухнула на камни, увлекая бывшего капитана за собой. Они клубком покатались по грязному полу, сминая брошенные корзины. Камень больно ударил Нико под ребра, выбивая дух, но он не разжал хватку, вдавливая пальцы глубоко в плоть монстра.

Контакт.

Третий удар по нервной системе едва не лишил Нико сознания. Боль была ослепляющей, мир перед глазами пошел красными пятнами. В ушах протяжно зазвенело. Он буквально чувствовал, как под его ладонью закипает мана, как рвутся и сторают внутренние органы твари. Гончая забилась в диких, неконтролируемых конвульсиях, раздирая когтями землю вокруг себя. Она пыталась вырваться, отстраниться от этого источника абсолютной смерти, но Нико навалился на нее всем своим весом, позволяя пустоте выпить всё до последней капли.

Спустя мучительно долгие секунды тело гончей под ним обмякло и рассыпалось, обдав Нико удушливым облаком серого праха и костной пыли.

Нико тяжело перевернулся на спину, глотая ртом пыльный воздух. Его колотило в лихорадке. Левая рука повисла плетью, кожа на ней горела, словно после сильного ожога. Бок ныл

после падения на камни. Дыхание вырывалось из груди с хриплым свистом. Он торопливо, непослушными пальцами правой руки достал из-за пояса перчатку и натянул ее обратно на левую кисть. Спрятал проклятие. Отрезал его от мира.

По ту сторону деревянного завала скрипнули доски.

— Э-эй?.. — раздался дрожащий мальчишеский голос, эхом разнесшийся по пещере. — Боги милосердные... оно сдохло? Там кто-нибудь есть?

Нико замер, закрыв глаза. Свидетели.

Он с трудом поднялся на ноги, тяжело опираясь плечом о стену. Инквизиции не нужны доказательства. Им хватит и слухов о человеке, убивающем тварей без единого заклинания, оставляющем после себя лишь пепел.

Нико подошел вплотную к завалу. Он не стал кричать. Он заговорил тихо, но так, чтобы каждое слово проникало под кожу сидящим в темноте людям.

— Твари мертвы, — произнес он холодным, мертвым голосом, лишенным интонаций. — Но, если хоть один из вас высунет нос из-за баррикады раньше, чем первые лучи солнца коснутся входа в шахту... я буду ждать вас снаружи. И то, что я сделаю с вами, заставит вас молиться, чтобы вас сожрали гончие. Вы поняли меня?

За баррикадой повисла гробовая тишина. А затем кто-то торопливо и сбивчиво пропищал.

— П-поняли, господин наемник! Клянемся Светом, мы и шагу не ступим!

— Вот и сидите во тьме, свет вам здесь не помог, — процедил Нико.

Он развернулся и, стараясь ступать бесшумно, зашагал прочь из шахты. Когда он выбрался на поверхность, снегопад уже прекратился. Ночное небо было кристально чистым, усыпанным равнодушными, холодными звездами. Морозный воздух приятно остудил разгоряченное лицо.

Он сделал то, что должен был. Система не нарушена. Завтра шахтеры расскажут байку о суровом наемнике, а солдаты гвардии припишут заслугу себе. Его тайну никто не узнает.

Но когда Нико спустился к окраине деревни, его шаг замедлился. У дверей старого амбара, где он оборудовал себе мастерскую, стояла темная фигура. Огонек курительной трубки тускло мерцал в темноте.

Историк его ждал. Он медленно выдохнул ароматный дым и с легкой, почти сочувствующей усмешкой оглядел перемазанного костной пылью и сажей Нико.

— Выглядишь даже хуже, чем те, кого ты спасал, Капитан.

Том 1 Глава 3 — Идеальный механизм

Ветер стих. У дверей амбара, опираясь на обледенелый косяк, стоял Историк. Огонек его курительной трубки тускло мерцал во тьме, выхватывая из мрака впалые тени под скулами и глаза, в которых огонёк трубки не отражался.

Нико остановился в пяти шагах. Он был жив — вопреки всему, что пыталась с ним сделать жизнь за последние годы. Только что голыми руками выпотрошил трёх мана-гончих. Но сейчас, глядя на этого человека, бывший капитан гвардии почувствовал, как по спине пополз ледяной пот.

Дело было именно в инстинктах. Тех самых глубинных, звериных рефлексх ветерана, которые не раз спасали ему жизнь на поле боя. Сейчас они буквально вопили, требуя немедленно отступить. Историк просто стоял у двери, не излучая ни капли агрессии или магии, но снежинки, падающие с крыши, словно огибали его фигуру по неестественной дуге. Воздух вокруг незнакомца казался слишком плотным, тяжелым, как перед грозой. На секунду Нико всерьез усомнился, можно ли вообще назвать существо, скрывающееся под маской странствующего историка, человеком.

Кроме того, Нико слишком хорошо знал цену любой ошибке. Проклятие, пожравшее его магию, не гнездились только в руках. Оно таилось под всей его кожей. Стоило любому существу, обладающему хоть искрой маны, коснуться его обнаженной кожи — и пустота внутри мгновенно сорвется с цепи, выжигая неосторожного изнутри. Именно поэтому он носил высокий воротник и никогда не снимал плотных перчаток при чужаках. Но сейчас, под пронизывающим взглядом Историка, Нико казалось, что никакие слои ткани и кожи его не защитят.

— Кто ты такой? — хрипло спросил Нико, не убирая правую руку от пояса.

Историк выдохнул струйку ароматного вишневого дыма.

— Я же говорил. Я Историк, люблю наблюдать за историями этого мира, — мягко ответил он, делая шаг в сторону и приглашающим жестом указывая внутрь амбара Нико. — Зайдем? Твоя тайна буквально выжигает тебе вены. Тебе нужно сесть.

Стиснув зубы, Нико переступил порог собственной мастерской. Историк вошел следом и щелкнул пальцами. Одинокая масляная лампа на столе вспыхнула сама собой, хотя в этом жесте не было ни грамма маны. Нико бы почувствовал. Тусклый рыжий свет выхватил из темноты верстак, заваленный стружкой, ряд стамесок на стене и низкий, просевший потолок с почерневшими балками. По углам остались тени — густые, неподвижные, словно лампа не смогла их прогнать.

Историк по-хозяйски опустился на старый деревянный стул, закинув ногу на ногу.

— Три гончие, — произнес он, оглядывая потрепанный вид Нико. — Грязная работа. Особенно для того, кто когда-то был виртуозом.

Нико тяжело опустился на сундук у стены. Левая рука, принявшая на себя основной удар Антимагии, все еще безвольно висела, надежно скрытая перчаткой, подрагивая от фантомной боли.

— Откуда ты знаешь, кем я был?

— О, Нико, в Империи Элидия не так много магов, способных смешивать стихии. Вся магия этого мира основывается на потоках. Мана течет через природу в тело, тело формирует заклинание и возвращает энергию миру. Идеальная гармония. Вспомни, как это было? — Историк прикрыл глаза, словно читая по памяти старую книгу. — Вода и Ветер. Ты не просто замораживал воду, ты управлял самым холодом, разнося ледяные иглы на крыльях урагана. Магия была для тебя дыханием. Искусством.

Историк открыл глаза, и его взгляд стал цепким, неподвижным.

— А то, что в тебе сейчас... Это не искусство. Это аномалия. Абсолютный вакуум. Черная дыра, которая не обменивается энергией с миром, а просто пожирает ее, разрушая саму суть вещей. Я наблюдал, как ты убивал гончих. Это было отвратительно, болезненно и... совершенно великолепно.

— Это проклятие, — прорычал Нико, сжимая здоровую руку в кулак. — Я убиваю любого, к кому прикоснусь.

— Это переменная, — поправил его Историк, постучав трубкой по столу. — Но для всего остального мира, благодаря стараниям вашей глубокоуважаемой Церкви, это носит совсем другие имена. Скверна. Увядание. Гниль. Болезнь. Не так ли?

Нико отвёл взгляд. Уставился на стамеску, висящую на гвозде, — и вместо стамески увидел площадь в городе Карнис. Одну из многих. Столбы, обложенные хворостом. Женщина, которая перестала кричать раньше, чем занялось пламя — просто обмякла в верёвках, и ветер трепал её волосы, ещё не успевшие загореться.»

— Нам говорили, что это неизлечимая, заразная болезнь, — глухо произнес Нико, впиваясь взглядом в потертые доски пола. — Что она передается через кровь, разлагает ману окружающих и превращает людей в демонов. Будучи капитаном, я лично руководил зачистками. Если Инквизиция находила в трущобах хотя бы одного «больного», мы оцепляли квартал. Мы сжигали целые семьи. Я смотрел в глаза этим людям и... искренне верил, что совершаю благо. Что очищаю мир от болезни. А они просто плакали и просили пощады. У них не было магии, но они не были монстрами. Монстрами были мы.

— Они были угрозой, — Историк подался вперед, и в его глазах зажегся тот особенный блеск, который появляется у людей, добравшихся до любимой части истории. — Угрозой не для мира. Для тех, кто им правит. И вот тут начинается самое красивое.

Он поднял трубку, очертив ею в воздухе круг, словно дирижёр перед оркестром.

— Скажи мне, капитан, на чём стоит Империя?

Нико криво усмехнулся.

— Армия и Церковь.

— Мечи и вера, — кивнул Историк. И тут что-то в его лице изменилось. Спокойная ирония уступила место чему-то почти жадному, голодному — словно он увидел перед собой разложенную шахматную партию и не мог удержаться, чтобы не разобрать её вслух. — Государство — это механизм, Нико. Две шестерни. Первая — Армия. Мечи Императора. Грубая сила, границы, чернь. Скучно, — он отмахнулся трубкой. — Необходимо, но скучно. А вот вторая шестерня...

Он прикрыл глаза и качнул головой, словно слушал музыку, которую больше никто не слышал. А потом открыл их — резко, как человек, который наконец добрался до любимого места в книге, — и голос его окреп, зазвенел в холодном воздухе амбара.

— Вера. Церковь. Инквизиция.

Он чеканил каждое слово, словно вбивал гвозди.

— Вот где настоящее мастерство. Они убедили целый мир, что мана — это благословение Света. Что чем больше магии, тем ближе вы к богам. А если магии нет — ты грязь, и место тебе под сапогом. И крестьянин верит. Он сам встаёт на колени. Добровольно. Ему даже не нужно объяснять почему. Он верит, без единого меча у горла. Это же... — Историк развёл руками, и в его глазах горело неподдельное восхищение, — ...совершенство!

Взгляд его на мгновение расфокусировался, словно Историк смотрел сквозь стены амбара куда-то очень далеко.

— Если бы только он смог увидеть этот мир... — пробормотал незнакомец, и в его голосе мелькнуло что-то непривычное, почти нежное.

Но в следующую секунду Историк уже снова смотрел на Нико — остро, насмешливо, — и момент прошёл, как и не было.

Историк подался вперед. Пространство вокруг него словно уплотнилось, стало физически тяжелым, вдавливая Нико в сундук. Пламя лампы дрогнуло и склонилось к Историк, словно притянутое его дыханием. Тени на стенах сместились — медленно, неправильно, не туда, куда должны были.

— А теперь подумай, — голос Историка стал тихим, почти ласковым. — Что происходит с этой верой, когда появляется человек, способный одним касанием убить Высшего Жреца?

Нико замер. Мысль, которую он гнал от себя месяцами, наконец встала перед ним в полный рост.

— Антимагия... отрицает их божественность, — медленно произнёс он.

— Поэтому они назвали её болезнью, — закончил Историк. — Ты для них не дезертир, Нико. Ты — ересь, способная обрушить Империю.

— Я мертв, — отрезал Нико, выдерживая тяжелый взгляд незнакомца. Чувство вины разрывало его изнутри, но он заставил голос звучать ровно. — Капитан Нико погиб во время подавления бунта в руинах старого храма. Вместе со своим отрядом. Я ни во что не вмешиваюсь. Я строгаю дерево.

— И долго ты собирался лгать самому себе? — Историк усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. — Ты думаешь, что сбежал? Ты думаешь, те солдаты-гвардейцы, что приперлись в деревню, просто сопровождают налоговый караван?

Нико замолчал. Недавнее чувство сытости от переработанной маны разом сменилось тошнотой.

— Очнись, капитан, — жестко бросил Историк. — Церковь не забыла тот взрыв артефакта. Инквизиция почуяла рождение твоей "Скверны" в тот самый миг, когда ты случайно выжег изнутри своего собственного целителя, а вместе с ним и целый отряд Инквизиции, который был рядом.

Упоминание Элиаса ударило точнее, чем когти мана-гончей.

— Они шли по твоему следу месяцами, — продолжал добывать Историк. — Ищейки Инквизиции идут прямо за гвардией. Гвардейцы в трактире — это загонщики. Они здесь, чтобы оцепить территорию. А завтра на рассвете в деревню въедут храмовники. Они сожгут эту деревню дотла. Каждого мужчину, женщину и ребенка. Так же, как ты когда-то сжигал кварталы. Просто чтобы убедиться, что "ересь" не успела распространиться.

Нико медленно поднялся. Стены мастерской словно поплыли. Он вдруг отчетливо, до рези в носу почувствовал запах гари — запах тех самых костров, которые он разжигал по приказу Короны.

Нико хрипло, надломленно рассмеялся. Звук разорвал тишину амбара, больше похожий на кашель висельника.

— Идеальный механизм, — с ядовитой горечью выплюнул бывший капитан, глядя на свои обтянутые кожей руки. — Какая чудовищная, безупречная ирония. Я был «идеальным» винтиком этой системы. Я выжигал целые семьи ради иллюзии порядка. А теперь я — та самая зараза, из-за которой Инквизиция раздавит эту деревню. Я привел сюда смерть просто тем, что остался жив.

Он поднял на Историка взгляд, в котором не осталось ничего, кроме глухой ненависти — не к инквизиторам, а к самому себе.

— Они сожгут в домах тех самых мальчишек-шахтеров, которых я только что вытащил из-под когтей гончих. И знаешь, что самое страшное в этой истории? — голос Нико упал до опасного, змеиного шепота. — Будь я на месте командира храмовников... я отдал бы точно такой же приказ.

Историк медленно, с искренним удовольствием захлопал в ладоши. Звук был сухим и коротким.

— Bravo, Капитан. Вы наконец-то начали понимать суть трагедии. И что же вы будете делать с этим пониманием?

— Зачем ты мне это рассказываешь? — тихо спросил он. — Кто ты?

— Я тот, кто любит интересные истории, — Историк откинулся на спинку стула, вновь становясь расслабленным аристократом. — А история палача, который стал жертвой, но позволил убить невинных ради собственного мнимого покоя — это жалкая история.

Незнакомец поднялся, поправив воротник плаща. Давящее ощущение в комнате слегка ослабло, но чувство первобытной угрозы никуда не ушло.

— У тебя есть время до рассвета. Ты можешь собрать вещи и убежать в горы, оставив этих глупых шахтеров и крестьян гореть на кострах Инквизиции. Это логично. Это безопасно.

Нико тяжело покачал головой. Взгляд его аметистовых глаз оставался ледяным.

— Я не стану устраивать бойню в деревне, — сухо ответил бывший капитан. — Если я устрою резню и покажу эту силу при свете дня, Церковь пришлет сюда всю армию. Они выжгут не только деревню, но и все живое на сотни миль вокруг. Я больше не играю в героев.

Историк остановился у приоткрытой двери. На его лице мелькнула тень разочарования, которая тут же сменилась понимающей, хитрой усмешкой.

— Прагматично. Значит, ты позволишь им сгореть?

— Я дам им выбор, — жестко отрезал Нико. — Я пойду по домам и скажу им правду.

— И ты искренне веришь, что они послушают ночные бредни деревенского плотника? — иронично выгнул бровь Историк.

— Нет, — сухо и безжалостно ответил бывший капитан. — Большинство пошлет меня. Трактирщик ни за что не бросит свои запасы эля и медные монеты. Старики скажут, что родились в этой грязи, в ней и помрут. Матери побоятся тащить грудных детей в ночную метель, надеясь, что храмовники пощадят хотя бы их. Они не пощадят.

Нико сжал челюсти. Взгляд его аметистовых глаз потемнел, отражая усталость.

— Из сотни человек мне поверят в лучшем случае десяток. Самые отчаявшиеся. Шахтеры, которые сегодня уже смотрели смерти в глаза. Остальные останутся запирают двери на засовы и молиться Свету. А на рассвете превратятся в пепел. И я знаю это.

— Я не герой, — закончил Нико. — Я не стану тащить их в горы силой. Тот десяток, что уйдет — это максимум, который я могу предложить, чтобы окончательно не свихнуться. Это не спасение. Это подачка моей собственной совести.

Историк тихо, одобрительно хмыкнул, вслушиваясь в эту мрачную исповедь.

— Подожди, — Нико сделал шаг вслед за незнакомцем. — Ты знаешь о мире больше, чем кто-либо. Ты знаешь, что это такое. Скажи мне... есть ли способ избавиться от этого проклятия? Вернуть все назад?

Историк обернулся. В тусклом свете масляной лампы его глаза блеснули потусторонним золотом.

— Я уже говорил тебе. Это не проклятие. Это дар. Дар моего «...», кхм.

Незнакомец осекся, пробормотав последнее слово так тихо, что Нико не смог его разобрать. Историк слегка качнул головой, словно отгоняя неуместную мысль, и на его губах вновь заиграла загадочная полуулыбка.

— Я не дам тебе ответов. Но я дам тебе подсказку, — голос Историка стал глубоким, обволакивающим, заполняющим собой все пространство амбара. — Если хочешь понять суть своей силы и найти правду об этом мире... узнай «Имена Павших».

— Имена кого? — нахмурился Нико. — Что это значит?

— Узнай «Имена Павших», — повторил Историк, делая шаг за порог. Метель на улице, казалось, расступилась перед ним. — А пока... покажи мне интересную историю, Капитан Нико.

Историк отступил во тьму, и его фигура просто начала таять. Он не ушел и не растворился в тенях с помощью магии — он словно стал частью самого ночного тумана, оставив после себя лишь легкий запах вишневого табака.

Нико моргнул. Улица была абсолютно пуста. Ни следов на снегу, ни силуэта вдали.

Тяжело выдохнув, Нико вернулся в амбар. Времени на раздумья о загадках Историка не осталось. До рассвета было не больше двух часов.

Он подошел к сундуку. Достал из него старый походный мешок, быстро закинув туда огниво, сухари, моток веревки и несколько бинтов. Затем его взгляд упал на темный угол мастерской. Туда, где под грудой старого тряпья лежала замотанная в промасленную ткань армейская глефа.

Нико понимал, что магия больше не течет по его венам, чтобы напитать лезвие ветром или покрыть его льдом. Но сталь остается сталью. А вес оружия в руках — это единственное, чему он еще мог доверять.

Закинув мешок на плечо и прицепив к поясу тяжелый тесак, Нико подхватил глефу.

Он вышел из амбара на морозный воздух. Нужно было обойти дома. Начать с дома шахтеров, чей избитый старшина валялся днем на площади.

Нико остановился на крыльце, окинув взглядом спящую деревню. Луна вышла из-за туч, и снег на крышах отсвечивал синим, мертвенным светом. Покосившиеся срубы стояли плотно, плечом к плечу, словно сбились в кучу от холода. В окне крайнего дома — дома старой Марты — ещё горел огонёк, тёплый, медовый, живой. Где-то лениво брехала собака. Завтра здесь останутся только черные, дымящиеся остовы труб.

Он знал, что идет на безнадежное, унижительное дело. Ему придется стучать в двери, будить уставших, озлобленных людей, смотреть в их заспанные лица. Он будет слушать ругань и проклятия в спину от тех, кого пытается вытащить из петли. И он не сможет их винить.

Перехватив тяжелое древко глефы, Нико шагнул в темноту. Он даст им шанс.

А затем навсегда покинет эту деревню.

Том 1 Глава 4 — Пепел и Снег

Стук в грубую деревянную дверь прозвучал сухо и требовательно.

Нико не стал ждать ответа. Он нажал на щеколду и шагнул в полумрак избы. Тусклый лунный свет из узкого оконца едва дотягивался до середины комнаты, выхватывая из темноты грубо сколоченный стол, лавку с наваленным тряпьём и закопчённый потолок — такой низкий, что Нико пришлось пригнуть голову. В углу тлели угли в глиняной печи, бросая на стены красноватые, танцующие тени.

В дальнем углу, на соломенном тюфяке, заворочался человек. Это был тот самый старшина шахтёров. Он лежал на боку, подтянув колени к груди — спать на спине не давали рёбра, отбитые гвардейским сапогом на площади. Услышав скрип двери, старшина дёрнулся, с трудом приподнялся на локте, хватаясь за бок, и потянулся к топору у изголовья.

— Тихо, — негромко, но властно произнес Нико.

Он шагнул в полосу тусклого лунного света. В полумраке его глаза блеснули холодным, нездешним светом, заставив шахтера замереть. В этом взгляде не было ничего от молчаливого, отстраненного плотника, которого знала деревня. На старшину смотрел человек, привыкший отдавать приказы, после которых люди либо выживали, либо умирали.

— Господин... плотник? — хрипло выдавил старшина, опуская топор. — Вы чего по ночам бродите?

— Слушай внимательно и не перебивай, — рублеными фразами начал Нико. — Твари в шахте мертвы. Но это ваша меньшая из проблем. Гвардейцы в трактире — это не сборщики налогов. Это загонщики Инквизиции. На рассвете сюда войдут храмовники.

Шахтер побледнел. Даже на окраине Империи Элидия слово «Инквизиция» вызывало первобытный ужас.

— Но... за что? — пролепетал он, хватаясь за голову. — Мы же исправно платим десятину Церкви! Мы чтим Свет!

— Вы нашли слишком чистую ману. Или кто-то из ваших детей проявил признаки «Скверны». Для Церкви причина не важна, — холодно отрезал Нико. — Важно то, что они сожгут деревню вместе со всеми жителями. До рассвета остался час. Собирай своих людей. Только тех, кто может идти быстро и не будет истерить. Уходите горными тропами на север. А также заберите детей из пещеры.

— Вы в своем уме?! — старшина спустил ноги с тюфяка, в его голосе прорезалась злость. — Бросить дома? В такую стужу? А если вы врете? Если вы просто спятили?! Идти в горы ночью — это верная смерть!

Нико даже не пошевелился. Он смотрел на шахтера сверху вниз спокойным, тяжёлым взглядом, в котором не было ни капли сочувствия. Только голый прагматизм.

— Останетесь здесь — сгорите заживо во славу Сияющей Истины. Уйдете в горы — у вас будет шанс выжить. Я вас предупредил. Что делать с этой правдой — решайте сами.

Нико развернулся и вышел в морозную ночь, неплотно притворив за собой дверь. Он не собирался никого уговаривать. В прошлой жизни он пытался спасти всех. И эта привычка стоила многим жизни.

Он обошел еще несколько домов. В некоторых ему не поверили, прогнав прочь и обозвав безумцем. В другом жила молодая вдова с двумя детьми — она ничего не спросила, просто молча начала собирать теплые вещи.

Завершив обход, Нико покинул деревню.

Он не пошел по тракту. Двигаясь старой охотничьей тропой, он поднялся на лесистый хребет, нависающий над поселением. Снег доходил до колен. Наст ломался под сапогами с сухим хрустом, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Еловые ветви цеплялись за глефу

на спине, осыпая шею колкой ледяной крошкой. Но Нико шагал ровно, экономя силы. Добравшись до выступа скалы, густо поросшего ельником, он остановился. Отсюда деревня была видна как на ладони.

Внизу, у кромки леса, он заметил движение. Темные силуэты, спотыкаясь в снегу, уходили прочь от домов. Старшина шахтеров все-таки поверил ему. Он увел с собой около двадцати человек — в основном своих рабочих и их семьи. Они двигались медленно, но целенаправленно уходя в спасительную тень гор. Нико не собирался к ним присоединяться. Рядом с ним находиться куда опаснее, чем замерзнуть в лесу.

Остальная деревня спала. Большинство жителей не поверило и не стало слушать ночные истории плотника.

Рассвет разорвал ночное небо над горизонтом грязной, кроваво-серой полосой.

И вместе с первыми лучами солнца на южном тракте появились они.

Нико присел на корточки, инстинктивно укрываясь за ветвями ели. Глаза сузились.

Их было немного. Около дюжины храмовников в сверкающих серебром латах верхом на бронированных боевых конях. Их доспехи были покрыты рунами, которые слабо мерцали, отгоняя мороз. А в центре кавалькады ехала повозка, запряженная белыми волами. В ней стоял человек в ослепительно белых рясах с золотым шитьем. Жрец Инквизиции.

Они не стали трубить в рога. Не стали будить жителей или созывать старосту. Они приехали не судить. Они приехали исполнять приговор.

Гвардейцы, которые ночевали в трактире, выбежали на площадь, торопливо строясь и отдавая честь прибывшим. Офицер гвардии, тот самый, что вчера пинал шахтера, подбежал к повозке Жреца, радостно докладывая, что территория оцеплена.

Нико сжал челюсти так сильно, что скрипнули зубы. Внутри левой руки, под перчаткой, глухо заворочалась Тьма. Она почуяла колоссальный объем магии, собирающейся у входа в деревню.

Жрец Сияющей Истины даже не удостоил офицера гвардии взглядом. Он просто поднял сухую, старческую руку, унизанную тяжелыми золотыми кольцами.

Воздух над деревней дрогнул. Нико, даже находясь на скале, почувствовал, как резко упало давление, заложив уши. Мана в природе исказилась, послушно собираясь вокруг ладони священника — сначала тонкими, почти невидимыми нитями, потом гуще, плотнее, стягиваясь к старческой руке, как вода в воронку.

Нико видел этот заклинательный конструкт сотни раз. «Очищающее Пламя». Высшая магия огня и света.

Нико вжался в скалу. Пальцы впились в мёрзлый камень, ногти скребнули по наледи.

Над ладонью Жреца сооткался шар — сначала размером с кулак, тускло-белый, как зимнее солнце за облаками. Потом он начал расти. Набух, загустел, стал ослепительным — настолько ярким, что Нико пришлось прищуриться, и даже сквозь сжатые веки белый свет резал глаза. Шар гудел. Низкий, глухой гул, от которого мелко задрожала скала под ногами, а с ближайших елей посыпался снег.

Храмовники не шелохнулись. Ни один конь не дёрнул головой, ни один всадник не отвёл взгляда. На лицах, обрамлённых серебряными шлемами, застыло одно и то же выражение — тихое, бесстрастное благоговение, с каким верующий стоит перед алтарём. Они не казнили. Они совершали священный обряд. И деревня была их жертвоприношением.

Жрец раскрыл ладонь. Шар оторвался от его руки и вознёсся в предрассветное небо — медленно, торжественно, неотвратимо. Он завис над деревней, нестерпимо белый, как второе, жестокое солнце.

Мир замер. На долю секунды деревня стала пронзительно чёткой — каждый сруб, каждый забор, каждая ледяная сосулька прорисованы белым светом до мельчайшей трещины. Где-

то внизу скрипнула дверь — кто-то из жителей выглянул на свет, не понимая, почему ночь вдруг стала днём.

А потом шар рухнул.

Сначала пришла волна. Незримая, беззвучная в первое мгновение — и оттого ещё страшнее. Она обрушилась на деревню сверху, придавив её к земле всей своей тяжестью. Двери вылетели из петель. Ставни сорвало с крючьев, и они закружились в воздухе щепками. Снег на крышах мгновенно обратился в пар, взметнувшись белыми столбами в утреннее небо. Земля содрогнулась — даже сюда, на скалу, докатился глухой гул, от которого заныли зубы и заломило виски.

За волной пришёл огонь. Белое пламя хлынуло от точки удара во все стороны, пожирая всё на своём пути. Это не был обычный пожар. Пламя не жгло — оно стирало. Дерево обращалось в прах мгновенно, минуя стадию горения. Камень тёк, как воск. Воздух над деревней раскалился настолько, что дрожал и плыл, превращая силуэты домов в оплывающие тени.

Первыми погибли гвардейцы на площади. Пламя накрыло их мгновенно — они не успели даже опустить руки. На долю секунды Нико увидел их силуэты — белые, полупрозрачные, ещё сохраняющие форму поднятых в приветствии рук, — прежде чем они осыпались невесомым пеплом. Все до единого. Одна секунда.

Офицер гвардии — тот самый, что радостно докладывал мгновение назад, — остался стоять. Его не тронуло. Ему просто повезло. Он стоял у повозки Жреца, укрытый защитной магией священника, и видел, как внизу, на площади, его солдаты обращаются в белый пепел. Его братья. Люди, с которыми он делил казармы, еду, эль и походные костры. Люди, которых он знал по именам — стёрты за одну секунду. Рот офицера раскрылся — беззвучно. Глаза метнулись к Жрецу — но старческое лицо оставалось абсолютно спокойным, равнодушным, словно ничего не произошло. Ноги офицера подогнулись, и он рухнул на колени. Не от боли — от понимания.

Потом что-то в нём переломилось. Офицер рванулся с колен, выхватывая меч из ножен — лицо его исказилось, глаза горели слепой яростью. Он бросился к Жрецу с криком, в котором уже не было слов — только хрип человека, которому нечего терять.

Он не успел замахнуться. Храмовник у повозки даже не сдвинулся с места — лишь качнул рукой. Короткий, неуловимый для глаза росчерк серебряного клинка. Тело офицера сделало ещё один шаг по инерции, прежде чем рухнуть в серый снег. Голова покатилась к колёсам повозки.

Жрец даже не посмотрел вниз. Старческая рука всё ещё была поднята, направляя пламя дальше — спокойно, размеренно, как пахарь ведёт плуг по борозде.

Огонь покатился по домам. Стены изб вспыхивали целиком, как бумага, и опадали белым пеплом. Крыши складывались внутрь, увлекая за собой балки и стропила. Трактир обрушился первым, просев, как пустая скорлупа. За ним — дом кузнеца, потом два дома у колодца. Огонь двигался кольцами, расширяясь от площади к окраине, не оставляя ничего — ни куска стены, ни обгорелого бревна. Только чёрное, глянцево-гладкое пятно оплавленной породы.

Крайний дом — дом старой Марты — вспыхнул последним. Тёплый медовый огонёк в окне на мгновение слился с белым пламенем, мигнул — и исчез навсегда.

Нико обнаружил, что не дышит. Что забыл выдохнуть, и воздух стоит в лёгких тяжёлым, горячим комком. Он заставил себя разжать пальцы. Заставил себя вдохнуть.

Внизу кричали. Те, кого огонь не достал мгновенно — кто жил на окраине, в домах подальше от площади, — пытались выбежать из горящих изб. Пламя пожирало их прямо на порогах. Храмовники не обнажили мечей — им просто некого было рубить. Они стояли кольцом, спокойно наблюдая, как воля их богов очищает землю от скверны.

Нико смотрел на это, не отрывая взгляда. Лицо его окаменело. Он чувствовал запах горелого мяса — тот самый запах из своего прошлого.

Крики затихли пугающе быстро. Пламя пожирало кислород, не оставляя обречённым даже воздуха для крика. Спустя пятнадцать минут на месте деревни осталось лишь чёрное, дымящееся пятно из расплавленного камня и пепла. Жрец опустил руку. Буднично. Спокойно. Как пахарь, дошедший до конца борозды.

В аметистовых глазах Нико ещё стояло отражение белого пламени, хотя огонь уже погас.

Нико медленно поднялся. Тьма внутри его тела пульсировала от ярости, словно требуя спуститься вниз и пожрать эту белую магию, вырвать её из глотки Жреца.

Но Нико успокоил дыхание, загоня проклятие глубоко под кожу.

— Не сегодня, — тихо произнёс он, глядя на серебряные доспехи Инквизиции. — Не сейчас.

Он отвернулся от уничтоженной деревни. Поправил ремень тяжёлого мешка на плече, перехватил армейскую глефу поудобнее и зашагал в глубь заснеженного леса.

В голове эхом звучали слова Историка — «*Узнай Имена Павших*».

Нико криво, невесело усмехнулся. Морозный воздух обжёг лёгкие.

— Узнай Имена Павших... — пробормотал он себе под нос. — А дальше что? Выбить их на камне? Пропеть их на площади перед Жрецом? Или, может, написать вежливое письмо Императору с жалобой на плохую погоду?

Это звучало как полный сюр. Бред сумасшедшего аристократа, который решил поиграть чужими жизнями. — «*Покажи мне интересную историю*», — так он сказал. Нико стиснул зубы. Значит, для этого существа он просто игрушка? Забавная фигурка на доске, которую можно пнуть ради развлечения?

Но фигурки не чувствуют запаха белого пепла. Фигурки не помнят медовый огонёк в окне, который мигнул и погас. И фигурки не знают того, что Нико понял только сейчас — стоя над пеплом деревни, которую пытался спасти.

Самое страшное в этом механизме — не жестокость. Жестокость можно увидеть и назвать по имени. Самое страшное — что он работает руками добрых людей. Жрец внизу не ненавидел эту деревню. Храмовники не наслаждались криками. Они верили — так же искренне, как когда-то верил сам Нико, — что очищают мир от скверны. Что спасают невинных от заразы. Что исполняют волю Света.

Нико знал это чувство. Он помнил, как стоял над горящими кварталами Карниса и чувствовал не вину, а облегчение. Ещё один очаг болезни уничтожен. Ещё сколько-то невинных спасено. Спи спокойно, капитан.

Человек с совестью — слишком хрупкое оружие. Он начнёт задавать вопросы. Но если превратить совесть в веру, человек становится идеальным мечом. Если человек убьёт ради золота — он знает, что он убийца. Но назови это «*Волей Света*», дай ему знамя — и он сожжёт тысячи, засыпая каждую ночь со спокойной душой.

Нико усмехнулся — криво, горько, без тени веселья. Он ведь тоже спал спокойно. Все эти годы.

Механизму не нужны монстры. Ему достаточно людей, которые верят.

Нико остановился. В тишине было слышно только его собственное дыхание — рваное, тяжёлое.

Первой, самой логичной мыслью было плюнуть на всё. Уйти глубже в северные горы, найти новую глухую деревню, взять новое имя и снова стать никем. Если нужно — прятаться всю жизнь.

Но запах белого пепла, преследующий его даже здесь, на высоте, говорил об обратном.

Он уже бежал. Восемь месяцев. И деревня сгорела. Если он сбежит снова — сгорит следующая. И ещё одна. И ещё. Инквизиция не остановится. Рано или поздно ему придется либо умереть, позволив светлым фанатикам победить, либо... изменить эту систему.

А чтобы изменить механизм, нужно понимать, как он устроен. Историк дал ему ниточку. И как бы Нико ни бесил этот загадочный наблюдатель, выбора у него не было.

— Ладно, Историк. Будет тебе история, — громко, даже криком произнёс Нико, сбивая сапогом комья снега. — Надеюсь, ты подавишься своим вишнёвым табаком, когда я доберусь до финала.

Он не знал, куда идти. Он не знал, кто такие эти «Павшие» и почему их имена могут дать ответы. Но у Нико появилась цель, ради которой стоило жить.

И ради которой стоило сражаться.

Том 1 Глава 5 — Семь колец

Дорога на север заняла две недели. Две недели пронизывающего ветра, скудных привалов в заброшенных охотничьих землянках и постоянного ожидания погони.

Путь выдался на удивление тихим. Мана-твари обходили его стороной — то ли чуяли Тьму под кожей, то ли зима загнала их глубже в норы. Бандиты в горах не встретились — слишком высоко, слишком холодно, слишком далеко от торговых путей. Армейские патрули попадались дважды — оба раза Нико замечал их задолго до того, как они могли заметить его. Годы службы научили читать следы на снегу и слышать звон амуниции за версту. Он обходил заставы по лесу, не оставляя следов, и шёл дальше.

За эти две недели ярость, выжигавшая его изнутри после гибели деревни, перегорела и осела чем-то тяжёлым, холодным, рабочим. Не месть — расчёт. Нико научился засыпать с этим новым чувством, как солдат учится засыпать с оружием под рукой.

Но когда Остгард наконец вынырнул из снежной пелены, Нико остановился. И долго стоял, не в силах отвести взгляд.

Северный торговый порт Империи Элидия поражал воображение. Это был не город — монумент. Колоссальное свидетельство того, на что способна человеческая воля, подкреплённая магией и неограниченным запасом человеческого труда.

Город занимал всю бухту. Семь каменных колец, вложенных одно в другое, поднимались от воды к небу — каждое выше, каждое шире, каждое величественнее предыдущего. Не город. Гора, которую кто-то вырезал из скалы и заселил.

По внешнему краю бухты стояли Столпы. Двенадцать арочных колонн, настолько огромных, что облака проходили сквозь их верхние пролёты. Между Столпами были натянуты цепи мостов — тонкие на таком расстоянии, почти невидимые. Снег лежал на карнизах колонн ровными белыми полосами. Тёмный камень, покрытый изморозью и рунами столь древними, что даже жрецы Церкви не могли их прочесть. Говорили, в дни осады руны вспыхивают и между колоннами встаёт щит из чистой маны, непроницаемый для любого оружия. За всю историю Империи Остгард не был взят ни разу.

Нижнее кольцо принадлежало морю. Длинные каменные пирсы уходили в серую воду бухты. Рыбацкие шхуны вмёрзли в лёд, борта торговых барж обросли морозной коркой. Между причалами громоздились склады, верфи, пахнущие смолой даже в мороз, канатные мастерские с распахнутыми воротами. Дым из сотен труб поднимался вертикально в неподвижном воздухе и сливался с туманом, делая нижние ярусы почти невидимыми.

Второе кольцо нависало стеной тёмного камня — так высоко, что люди у подножия казались муравьями. Здесь заканчивалось море и начинался город. Гильдейские дома в три-четыре этажа, тёсанный гранит, стрельчатые окна в каменной резьбе, тяжёлые дубовые двери в железной оковке. Крыши из тёмного сланца уходили вверх круто, чтобы снег не задерживался. На фасадах — гербы гильдий: молот кузнецов, весы торговцев, перекрещённые топоры лесорубов. Между домами тянулись колоннады имперского стиля — массивные, рифлёные, каждая колонна толщиной с вековой дуб. Капители в форме раскрытых ладоней, держащих каменное пламя. В крытых галереях между колоннами даже зимой шла торговля.

Вдоль третьего кольца тянулись широкие каменные террасы с барельефами — сцены из священных текстов Церкви Света, высеченные так тонко, что даже под снегом угадывались фигуры жрецов и крылатых гонцов. Зимой террасы лежали под ровным белым покрывалом и весь ярус казался облачным кольцом на каменном теле города.

Водопады. Десятки — по краям террас, с яруса на ярус. Широкие, плавные, узкие, стремительные. Некоторые замёрзли — колоссальные столбы голубого льда выше корабельных

мачт, сверкающие на солнце. Другие продолжали течь, подогреваемые рунами, и от них поднимался пар, окутывая средние ярусы теплым молочным туманом.

Центральный водопад начинался на вершине — с Седьмого кольца — и проходил сквозь все ярусы насквозь. Каждое кольцо принимало поток в каменную чашу, отделанную бирюзовой мозаикой, задерживало на мгновение и отпускало дальше вниз. К следующему кольцу. И дальше. Пока вода не обрушивалась с последнего яруса в бухту. Даже зимой он не замерзал — слишком мощные руны, слишком древняя магия. Вода в нём была неестественно прозрачной и слегка светилась изнутри ярким голубоватым светом маны.

Четвёртое кольцо принадлежало Церкви. Архитектура менялась — из торговой становилась священной. Арки в десять человеческих ростов из цельных блоков белого мрамора. Крытые мосты между секциями яруса. На каждом мосту — статуи: воины, жрецы, крылатые фигуры, которых народ почитал за посланников Света, а старые книги называли их богами. Снег лежал на их каменных плечах белыми мантиями. Фасады храмов покрывала резьба — руны, священные символы, растительные орнаменты, настолько тонкие, что один фасад можно было рассматривать часами.

Пятое и шестое кольца терялись в облаках. Только в разрывах мелькало: шпиль, купол, зелень сада. Там, наверху, снег не ложился. Магия держала вечное лето за стенами облаков. Два мира на одной горе — зима внизу, лето наверху.

На самой вершине стоял шпиль Цитадели. Он пробивал облачный слой и сиял в солнечных лучах. Единственная точка города, которую было видно отовсюду. Единственная точка, которая никогда не покрывалась снегом. Днём его верхушка горела белым золотом, а по ночам, говорили, светилась сама.

Нико стоял на перевале и смотрел. Ветер трепал край плаща. Внизу, у подножия этого каменного чуда, в вечной тени нависающих колец, начинался Нижний Город. Туда солнце не доходило. Покосившиеся лачуги, грязные палатки, узкие улицы. Сюда стекались те, чьей маны едва хватало, и те, в ком ее не было вовсе. Обычные люди. Те, кто работал в шахтах, доках и на лесозаготовках, чтобы обеспечить комфорт наверху.

Спустившись с холма, Нико растворился в толпе Внешнего Кольца.

Нищета здесь была абсолютной. Мёрзлая грязь под ногами, покосившиеся халуп из гнилых досок, рваная парусина вместо стен. Вдоль дороги сидели оборванные люди в дырявых одеялах. Дети с ввалившимися глазами провожали каждого прохожего голодным взглядом. Куртка из волчьей шкуры и тёплые сапоги Нико здесь стояли больше, чем человеческая жизнь.

Нико вышел к Главным Вратам, ведущим во Внутренний Город. Огромные кованые створки были открыты, но проход преграждала дюжина солдат в хороших доспехах и двое младших жрецов в серых рясах.

Нико остановился у стены, натянув капюшон пониже, и стал наблюдать.

К воротам подошла семья. Худой мужчина, его жена и двое детей, тащившие тележку с дровами. Мужчина дрожащими руками протянул стражнику медную монету — налог за вход.

Стражник брезгливо смахнул монету в кошель, а жрец шагнул вперёд, держа в руках гладкий кристалл размером с яблоко.

— Коснись, смерд, — монотонно приказал жрец.

Мужчина приложил грязную руку к камню. Кристалл едва заметно мигнул тусклым жёлтым светом.

— Мана есть, но мало. Рабочий класс. Пропуск в портовый район до заката, — сухо огласил жрец. — Следующий.

Жена мужчины коснулась камня — снова тусклый свет. Но когда к камню потянулся старший мальчик, лет десяти, кристалл даже не мигнул. Он потемнел и пошёл мутными разводами, словно в чистую воду капнули чернил.

Жрец резко отдернул руку. Стражники мгновенно скрестили алебарды перед семьёй.

— Аномалия мана-каналов, — брезгливо скривился жрец. — Начальная стадия Увядания. Скверна.

— Нет! Милосердный Свет, нет! — мужчина бросился на колени, пытаясь закрыть собой сына. — Он просто простыл! У него жар, господин жрец! Пожалуйста, мы заплатим двойной налог! Нас ждёт хозяин в доках!

— Закон един для всех, — ледяным тоном ответил жрец. — Заражённые подлежат изоляции. Стража, забрать мальчишку в карантинные бараки Инквизиции. Остальных выгнать за Внешнее Кольцо. Сопrotивление карается смертью.

Женщина закричала так пронзительно, что Нико невольно стиснул зубы. Солдаты грубо отшвырнули отца ударом тыльной стороной копыя в лицо, схватили плачущего ребёнка и потащили его за ворота. Младший, лет пяти, вцепился в подол материнской юбки и завывал — тонко, по-щенячьи, не понимая, почему у него забирают брата. Все вокруг знали: карантинные бараки — это место, где Инквизиция изучает «болезнь» перед тем, как очистить больных огнём.

Нико понимал, коснись он этого кристалла, камень не загорелся бы серым. Он бы треснул и осыпался прахом, выжигая ману из самого жреца. Официальный путь в город был для него закрыт.

В этот момент по брусчатке застучали копыта. Толпа у ворот торопливо расступилась, прижимаясь к стенам.

К вратам приближался небольшой отряд столичной гвардии. Чёрные шинели из плотного сукна, наглухо застёгнутые до самого горла на ряд ярких стальных пряжек. Высокие стоячие воротники подпирали подбородки, не позволяя опустить голову — в этой форме нельзя было смотреть вниз, только прямо перед собой. Широкие португепи перехватывали грудь крестнакрест, на левом бедре — ножны, на правом — кожаный подсумок. Длинные плащи из тяжёлой чёрной ткани спускались почти до стремян, и при каждом шаге коня мерно покачивались, обнажая подкладку — тёмно-алую. Сапоги до колен, усиленные стальными наголенниками и коваными набойками. На левом плече каждого всадника — серебряная нашивка с гербом Короны.

Чёрное на чёрном, строгая, безупречная форма имперской армии. Противоположность белым мантиям Церкви. Элита. Они ехали в Верхний Город, минуя все проверки.

Нико вжался в тень арки, надевая капюшон ниже. Он служил в этих войсках. Он мог знать лица этих людей — но куда опаснее было то, что они могли знать его.

Отряд проезжал мимо. Взгляд Нико скользнул по всадникам — и зацепился.

Во втором ряду, чуть позади командира, ехала девушка. Она сидела в седле прямо, с той жёсткой, чуть надменной посадкой. Подбородок поднят, плечи развёрнуты, спина как натянутая тетива. Чёрная шинель сидела на ней безупречно, португепя затянута строго по уставу, плащ спускался с плеч ровными складками. Но даже строгий крой военной формы не мог спрятать того, что скрывалось под ней — тонкую талию, перехваченную ремнём, длинную изящную шею, поднимающуюся из высокого воротника, и мягкую, естественную грацию, которую никакая муштра не способна ни выбить, ни подделать. Военная форма сидела на ней не как доспех, а как вечернее платье — подчёркивая каждую линию, вместо того чтобы прятать.

На плечи и спину спускались длинные, до пояса, волосы — настолько светлые, что казались белыми. Серебристые, почти лунные, они резко контрастировали с чёрной тканью шинели, словно кто-то бросил горсть инея на солдатское плечо. Черты лица тонкие, утончённые, с той хрупкой, почти неземной красотой, которая бывает только у высших аристократических родов — высокие скулы, прямой нос, чуть полные губы и кожа настолько бледная и чистая, что казалась фарфоровой.

Нико не узнал её. Очередная высокородная аристократка на службе Империи.

Но в тот момент, когда её конь поравнялся с аркой, в которой прятался Нико, девушка вдруг повернула голову.

Пронзительные голубые глаза безошибочно выхватили в толпе высокую фигуру в волчьей шкуре. Ветер приподнял край капюшона, обнажив нижнюю часть лица и блеск аметистовых глаз.

Девушка едва заметно вздрогнула. Её рука в перчатке инстинктивно дёрнулась к поводьям, словно она хотела остановить коня. Губы приоткрылись — на долю секунды, не больше.

Но офицер, ехавший впереди неё, громко отдал приказ ускорить шаг. Девушка на мгновение сжала губы, усилием воли возвращая лицу бесстрастное выражение, и отвернулась, направляя коня за ворота.

Нико проводил её взглядом, чувствуя лёгкий укол паранойи. Ему показалось, или она смотрела прямо на него?

Он мысленно прокрутил этот момент в голове. Офицерская выправка, голубые глаза, короткая заминка в движении рук. Она точно что-то заметила. В памяти всплыли образы из Военной Академии, но лица сливались воедино — он тренировался со слишком многими аристократами. А также многими руководил.

Если она узнала в бродяге погибшего капитана Нико, это катастрофа. Гвардия подчиняется Короне, но всегда плотно сотрудничает с Инквизицией. Один её рапорт — и Остгард перекроют полностью. Ему придётся найти её. Выследить в Верхнем Городе, убедиться, узнала ли она его наверняка. И если да... Нико стиснул зубы. Если да, её придётся устранить. Быстро, тихо, без следов. Иначе его миссия по поиску «Имён Павших» закончится, не успев начаться.

Отвернувшись от ворот, он свернул в самые тёмные и узкие переулки Внешнего Кольца. Бывший капитан гвардии прекрасно знал, что ни одна крепость в Империи не бывает герметичной. Там, где есть жёсткие налоги и дискриминация, всегда есть крысиные норы, по которым течёт контрабанда.

Он шёл по запаху сырости и гниющих водорослей, пока не спустился в глубокий овраг, который служил стоком для нечистот Верхнего Города. Здесь, у массивной железной решётки, вмурованной в каменную стену, стояли двое. Оборванные, но крепкие ублюдки с короткими мечами на поясах. На их шеях виднелись татуировки в виде перекрещённых якорей — знак местной портовой банды.

Увидев Нико, один из них, с наполовину отрезанным ухом, выплюнул жевательный табак прямо ему под ноги.

— Заблудился, путник? — хрипло спросил он, кладя руку на эфес меча. — Дальше хода нет. Сток закрыт по приказу градоначальника.

— Мне нужно в Нижний Город. Не привлекая внимания жрецов и армии, — спокойно ответил Нико, останавливаясь в двух шагах от бандитов. Из-под капюшона блеснули холодные глаза. — Я знаю, что за этой решёткой начинается старая канализация. Сколько?

Одноухий переглянулся с напарником и криво усмехнулся.

— Умный, значит. Ну, раз ты не хочешь светить своей мордой перед стражей, значит, за тобой есть грешок. Десять серебряных монет.

Это была грабительская цена. На эти деньги во Внешнем Кольце можно было купить небольшой дом.

Нико медленно сунул правую руку за пазуху. Бандиты напряглись, но он достал лишь один серебряный имперал и бросил его в снег перед одноухим.

— Это за проход.

Лицо бандита исказилось от ярости.

— Ты что, глухой, ублюдок? Десять! — Он резко шагнул вперёд, выхватывая меч из ножен.

Но Нико был быстрее. Годы армейских тренировок и мышечная память сработали безупречно. Он не стал тянуться к глефе. Шагнув навстречу удару, Нико правой рукой в перчатке

перехватил запястье бандита, выкручивая его с тошнотворным хрустом. Одноухий взвыл, роняя меч.

Нико с силой впечатал колено в живот противника, а когда тот согнулся пополам, обрушил тяжёлый локоть ему на затылок. Бандит рухнул в грязный снег, как мешок.

Второй головорез оцепенел. Он ждал, что незнакомец применит боевую магию, но увидел лишь стремительную, жестокую рукопашную технику армейского образца.

Нико медленно выпрямился. Он посмотрел на второго бандита взглядом, в котором не было ни капли эмоций.

— Подними монету, — тихо приказал Нико. — Открой решётку. Иначе я сломаю тебе обе ноги и оставлю вас здесь мучиться.

Бандит не стал спорить, бросил испуганный взгляд на стонущего напарника и торопливо поднял серебряник. Дрожащими руками он достал из кармана тяжёлый железный ключ и вставил его в ржавый замок решётки. Металл со скрипом поддался, открывая тёмный зев туннеля.

Нико прошёл мимо него в темноту канализации.

Ему нужен был тот, кто держит теневой рынок Остгарда. Тот, у кого оседают слухи, книги и знания, не прошедшие церковную цензуру. Если ответы о «Именах Павших» и существовали, искать их нужно было не в храмах Света — а на самом дне, среди тех, кто давно научился жить в тени.